

Две жизни Ольги Гобзевой

Если вы ее видели, читатель, наверное, запомнили. Среди многих экранных красавиц 60-х годов ее героини выделялись особо. Потом она исчезла с экранов... Но только я увидела Ольгу Гобзеву, вспомнила сразу. Хотя место встречи оказалось неожиданным — храм Большого Вознесения, где эта женщина была явно своим человеком. Зачем? Почему? И как столь круто поворачиваются судьбы?

— В полном одиночестве, близко к пропасти, оказалась в свой час и я. Я пошла в церковь, и будто мне предназначались случайно услышанные слова, которые священник воскликнул исповедовавшейся ему женщине: «Да где ж ты была пятьдесят лет?!» «А я — тридцать?!» — подумалось мне... С тех пор все и началось.

— Как вы оказались в кино?

— Все было просто и естественно, как и остальное, что произошло в моей жизни. Мне всегда чего-то казалось мало. И в школе недоставало того, что преподают. Рядом был Дом культуры детей железнодорожников, в одну из студий которого я и пришла заниматься. Я знала весь наш репертуар подряд, получила премию на чеховском конкурсе, потому было вполне логично, что пошла в актрисы.

Во ВГИКе, а даже чуть раньше, все началось с успеха. Ее встретил на улице Марлен Худиев, который начинал нашумевший потом фильм «Мне двадцать лет», и предложил Ольге попробовать на главную роль. Но ей не понравилось само слово «пробовать», и она отказалась. Режиссер страшно удивился и нашел другую актрису, а потом все же взял ее, первокурсницу в эпизод в своем фильме. О, это были «великие» эпизоды! Вместе с ней в них снимались Кончаловский, Тарковский!

Ей вообще везло с работой и окружением: она училась у Бабочкина, играла с Мордвиновым, снималась у Худиева, Климова, Ларисы Шепитко.

— Но час любви, как всегда, краток?

— Да, после благословенных шестидесятих наступили семидесятые годы. Время, когда кино как бы выдыхалось. Из него уходил дух, высота, оставалось все больше зрелища, и мне там становилось нечего делать. Особенно в нынешнем кино — свободном от любых нравственных из-

менений. Я не хотела в таких фильмах сниматься...

Тогда же у меня возникло ощущение катастрофы, я бы сказала, какого-то губительного незнания... Я все время силится вспомнить то важное, что забыла. Это был очень сильный зов, и я пошла за ним.

— Попробуйте объяснить неверующему человеку, зачем человек идет к Богу?

— Выход из наших бед мы ищем, полагаясь лишь на собственные силы и знания. Но почему взрослые так взрослые, что могут не спрашивать совета? Приди, спроси, и столько нового знания откроется тебе!

— Не могли бы вы найти еще аргументы, но уже доступные любому из нас? Добавляет ли это что-то к реальной жизни?

— В свое время батюшка сказал мне: иди, придешь к своим! Так оно и оказалось. Людей нынче так тяжело объединить, а у верующих уже есть нить для единения.

Она сделала шаг и действительно попала к своим. Более своим, чем те, с кем много лет работала в кино. И уже не только в душе, но и в жизни должно было что-то случиться. Случилась воскресная школа, в которую поступил ее сын, и она, естественно, стала помогать здесь в устройстве детских праздников. Сегодня Ольга Гобзева заместитель директора православной воскресной школы, ведет здесь уроки этики, а также читает курс «Русская духовная классическая поэзия».

И надо видеть, как любят ее дети! Как артистична она, читающая им библейские стихи Пушкина, Баратынского, Жуковского. Как доверительно ведет с девочками уроки на немислимую с непривычки тему «Невеста».

— Ольга Фроловна, скажите, а как попадают сюда дети?

— Могу рассказать, как попали мы с сыном. Нам очень не нравились другие школы — обычные. Каких только измыва-

тельств не претерпел Святослав за годы учебы! Здесь любят определенных детей, а мой не хотел вступать в комсомол, верующий, тихий, не бегаёт на переменах — значит, выделяется и вообще в тихом омуте... Поэтому когда я услышала, что Владыка Питирим открыл воскресную школу, мы с сыном не шли — бежали до улицы Неждановой...

А вообще у нас учатся дети из семей не только верующих. Просто каждому хочется для своего чада лучшего, чтоб не улицей (где сегодня особенно страшно) жил, потому и ведут дочерей и сыновей в храм.

Ее уход из кинематографа был воспринят по-разному. Татьяна Доронина, например, убеждена, что истинная актриса не могла бы расстаться со сценой. Другим путем Ольги представляется логичным (какая-то неземная, чуть возвышающаяся над обыденностью нота звучала во всех ее фильмах).

— Есть и такие, которые полагают, что я просто «хорошо устроилась», т.е. пристроилась к жизни. Нынче в кино и театре все зыбко, люди не могут себя найти, соряются друг с другом. И вопросов у них больше, чем ответов. А меня судьба вывела из этой обиды.

— И что же, в новой жизни вам стало легче?

— Мне сейчас трудно жить, но ни за что на свете не променяла бы я ни прежний свой юный возраст, никакие кинематографические успехи на эту новую жизнь...

— Еще вопрос: ваши отношения с политикой. Волнует ли она вас?

— Нет, меня волнует не политика нынешняя, а законы природы и жизни, которые одни на все времена. Зло и добро были всегда. Кто-то из чекистов хладнокровно наблюдал, как уходили под воду монахи, нежелающие отречься от веры, а другой, например, спас нашу семью. Так

что, по мне люди делаются лишь на добрых и злых.

— Ольга, а не было ли хоть иногда желания опять в кино?

— Желания? Нет, было иное. Мне позвонила Рената Григорьева и пригласила в свой фильм «Мальчики». Я долго отнекивалась сначала, но не смогла отказать себе в счастье вновь прикоснуться к Федору Михайловичу Достоевскому. И еще. Вы спрашивали о несыгранных ролях. Самая несбывшаяся моя мечта — Сонечка Мармеладова, я даже пробовалась в свое время на эту роль, но меня не взяли, так как режиссеру нужна была «беленькая», обязательно блондинка. А Григорьеву интересовал мой духовный опыт, все, что я пережила, что поняла за эти годы. Так что здесь не просто кинематограф. Это — другое...

Вот так — сквозь обстоятельства и несмотря на них, сначала ощупью, а теперь осознанно и уверенно — шла эта женщина к себе. И как бы мы, врожденные атеисты, ни относились к такому выбору, отметим почти забытый вкус иной жизни.

Да, сегодня, когда все мы до краев наполнены: одни — политикой, а большинство — элементарной борьбой за выживание, и, кажется, ни для чего другого уже не осталось места, — есть люди, которые как бы вне этого. С ними не обязательно Бог (каждому — свое!), но непременно многое еще, кроме быта, ненависти, страха и прочей отечественной «классики», в которой все мы дружно проживаем.

И если остались среди нас счастливые люди, то это они.

Элла ЩЕРБАНЕНКО.